

Основания сравнительной риторики

В.И. Тюпа

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Эпистемологическое поле современной («новой») риторики «имеет все больше оснований заявлять свои права на ... рассмотрение живой действительности языка во всей его видимой протяженности – от инфралингвистических до металингвистических измерений»¹. Риторика как искусство красноречия (техне элоквенции) закономерно умирает в эпоху романтизма. Воскрешение риторики в качестве теперь уже научной дисциплины², постигающей глубинные механизмы человеческой коммуникации³, протекает многими руслами.

Одно из них по праву следовало бы называть сравнительной (компаративной) риторикой, начало которой было положено лекцией М. Фуко «Порядок дискурса» (1970)⁴. «Традиционная компаративистика, – писал Ю.М. Лотман, – изучила генетические связи сходных элементов. Типологический подход требует составления сопоставимых таблиц функций», чем и призвана заниматься компаративная риторика. «Тогда самое понятие сопоставимости не будет ограничиваться внешним сходством, а раскроется как диалектическое единство совпадений и несовпадений, причем исследователь должен быть готов к тому, что разительное внешнее сходство порой сочетается с глубоким

---

¹ Авеличев А.К. Возвращение риторики // Дюбуа Ж. и др. Общая риторика, М., 1986. С. 22.

² «Изучение дискурсивных приемов, позволяющих вызвать или усилить сочувствие к предложенным для одобрения положениям» (Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. Paris, 1958. P. 5).

³ В пионерской работе «Философия риторики» (1950) А. Ричардс писал: «Задаваясь вопросом о том, как работает язык, мы одновременно задаем вопрос и о том, как мы мыслим и чувствуем, как протекают все остальные типы деятельности человеческого сознания» (Теория метафоры. М., 1990. С. 47).

⁴ Foucault. L'ordre du discours. P., 1971.

функциональным различием, а кажущаяся несопоставимость прикрывает функциональную тождественность»⁵.

В отличие от общей риторики, с одной стороны, и разного рода специальных риторик, с другой, сравнительная риторика ориентирована на выявление коммуникативных стратегий⁶, лежащих в основании бесконечного многообразия коммуникативного поведения людей, принадлежащих к различным культурам.

Коммуникативное поведение порождает дискурсы⁷. Эти «коммуникативные события» социокультурного взаимодействия сознаний, как они трактуются ван Дейком⁸, манифестируются текстами. Отождествление понятий «дискурса» и «текста» некорректно. «Производство предложений по правилам грамматики, – замечает Ю. Хабермас, – представляет собой нечто иное, нежели использование предложений в соответствии с прагматическими правилами, образующими инфраструктуру речевых ситуаций»⁹. Ван Дейк в этом смысле говорит о «схематической суперструктуре» высказываний, «с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия»¹⁰.

Принципиальные модификации отмечаемой многими транстекстуальной структуры высказывания и призваны составить содержание понятия коммуникативных стратегий. Стратегический характер таких модификаций приводит к тому, что «в мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет»¹¹.

«Событие жизни текста, – писал М.М. Бахтин, – то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»¹². Эта событийность (предполагающая некоторую стратегию взаимодействия) и обозначается в последние десятилетия категорией дискурс. «Для дискурса, – писал П. Рикер, – способом существования является акт, его неотложность (Бенвенист), которая, как таковая, имеет природу события»¹³. «Отныне позицию

⁵ Лотман Ю.М. О типологическом изучении культуры / Ю.М. Лотман. Статьи по типологии культуры. СПб., 2002. С. 108.

⁶ Понятие риторических «стратегий» зарождается в «новой риторике» Х. Перельмана как альтернатива «правилам» риторики классической.

⁷ Ю.С. Степанов определяет дискурс как «особое использование языка», которое «создает особый "ментальный мир"» (Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 38, 39).

⁸ См.: Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 122 и др.

⁹ Habermas J. Was heisst Universalpragmatik? // Sprachpragmatik und Philosophie. Frankfurt/Main, 1976. S. 206.

¹⁰ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. С. 130, 122.

¹¹ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 44.

¹² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285. Далее страницы этого издания указываются в скобках; курсив в цитатах принадлежит Бахтину.

¹³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 134.

субъекта, к которой вызывает вся традиция *Cogito*, следует перенести в сферу языка, а не искать ее рядом с языком»; место этой позиции «в дискурсе, то есть в акте, с помощью которого возможная система языка становится актуальным событием языка»¹⁴. Коммуникативное событие есть со-бытие не менее чем двух сознаний: «Кто-то с кем-то говорит – в этом состоит суть акта коммуникации ... Субъективность акта говорения является вместе с тем интерсубъективностью»¹⁵. Группа μ , классифицировавшая в своей «Общей риторике» дискурсивные нарушения общеязыкового кода (метаболы), также исходила из понимания коммуникации как «межличностного отношения» между двумя субъектами, обладающими «привилегированными и симметричными ролями»¹⁶.

Строго говоря, когда мы рассуждаем о тексте, мы имеем в наличии только одного субъекта (или пишущего, или читающего) и только один объект – знаковый. Область значений текста всегда ограничивается сознанием данного субъекта. Когда же речь идет о дискурсе, предполагается креативно-рецептивная *диада* субъектов, как и *диада* объектов: замещающего (текст) и замещаемого (референт). Ибо без соотнесения текста с его референтной заданностью ментальная встреча двух сознаний невозможна.

Понятие коммуникативной стратегии, сформулированное в самом общем виде, предполагает некоторую конфигурацию инстанций высказывания, определенных еще Аристотелем. Основатель классической риторики выделял в составе коммуникативного события «самого оратора», «предмет, о котором он говорит», и «лицо к которому он обращается»¹⁷. Данная модель определяет риторическую мысль и в XX веке. «Слово, – писал последователь Бахтина В.Н. Волошинов, – есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушающего (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя)»¹⁸. Одна из позднейших перефразировок этого риторического треугольника гласит: «Три всеобщие прагматические функции (с помощью некоего предложения нечто отображать, выражать намерение говорящего и производить межличностное отношение между говорящим и слушателем) лежат в основе всех тех функций, которые может принимать на себя высказывание в особенных контекстах»¹⁹.

Аристотелевская и последующие характеристики трех конститутивных инстанций речи (креативной, референтной и рецептивной), их возможностей и налагаемых на них ограничений очерчивают три взаимосоотнесенных *компетенции* той или иной стратегии. Понятие «дискурсивной компетенции» А.Ж. Греймас выводит из имманентной организованности высказываний как неизбежно принадлежащих к тому или иному жанру (типу дискурса). «Дискурсивная деятельность опирается на дискурсивное умение, которое ничем не

¹⁴ Там же. С. 395.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Дюбуа Ж. и др. Общая риторика, М., 1986. С. 279, 281.

¹⁷ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 24.

¹⁸ См.: Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Валентин Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С.72.

¹⁹ Habermas J. Was heisst Universalpragmatik? S. 214.

уступает умению, например, сапожника. Иначе говоря, мы должны предполагать наличие нарративной (или иной – *В.Т.*) компетенции, если хотим объяснить производство и восприятие единичных дискурсов; такой компетенции ... чье существование, подобно соссорианскому «языку», виртуально»²⁰. Рикер в этом смысле рассуждает о «значащих интенциях» высказываний: «Когда я говорю, значащая интенция присутствует во мне как пустота, предназначенная к заполнению словами»²¹.

О виртуальных стратегических компетенциях (значащих интенциях) различных дискурсивных практик у нас и пойдет речь далее.

Проблемное поле многообразия коммуникативных стратегий было очерчено М.М. Бахтиным в его классической работе «Проблема речевых жанров» (1952), совпавшей по времени написания с усилиями западных воскресителей риторики в новом ее качестве – основателей «новой риторики» (А. Ричардс в англоязычном ареале, Х. Перельман – во франкоязычном).

Хотя сам термин «стратегия» Бахтиным и не употребляется, но стратегический характер общения предполагается его мыслью о том, что, «когда мы строим свою речь, нам всегда предносится целое нашего высказывания ... Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» (266).

В бахтинском понимании, «активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере» (263) отнюдь не сводится к «речевой воле говорящего». Она составляет его креативную компетенцию, поскольку «субъективный момент высказывания сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его», а также с интерсубъективной «ситуацией речевого общения» и «осуществляется прежде всего в *выборе определенного речевого жанра*» (256-257). При этом говорящий неизбежно выступает в той или иной маске авторства: «Но в каких же высказываниях ... нет маски, то есть нет авторства? Форма авторства зависит от жанра высказывания» (357-358).

«Речевой жанр, – в трактовке Бахтина, – это не форма языка, а типическая форма высказывания», соответствующая «типическим ситуациям речевого общения» (267). В «инфраструктурных» (Хабермас) ситуациях такого рода и складываются «дискурсивные формации» (по терминологии М. Фуко или М. Пешё), именуемые Бахтиным жанрами. Они «для говорящего индивидуума имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (260); «*выдумать* их нельзя (как нельзя выдумать язык)» (358).

Воспроизводя риторический треугольник Аристотеля, Бахтин определял жанр «предметом, целью и ситуацией высказывания» (358). Очевидно, что «цель» высказывания соотносима с фигурой говорящего, а «ситуация» – с его аудиторией. При этом Бахтина занимали в первую очередь такие вопросы, как «иерархическое место (положение) говорящего ... Соотносительное иерархическое положение адресата высказывания ... Кто говорит и кому говорят. Всем этим определяется жанр, тон и стиль высказывания: слово вождя, слово

²⁰ Greimas A.J., Courtés J. *Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris, 1979. P. 248-249.

²¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. С. 382.

судьи, слово учителя, слово отца и т.п. ... Сложный процесс выработки внеиерархических жанровых форм. Авторские формы ... существенно традиционны и уходят в глубокую древность. Они проявляются в новых ситуациях» (358).

Таким образом, неувлимо субъективный в своем истоке выбор «активной позиции говорящего» вполне поддается диагностике по своему конечному результату – «речевому произведению», дискурсу. Ибо «все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого», которые «организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы» (257). Эти архитектурные моменты, выступающие «типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим» (242)²², несут в себе «способность определять активную ответную позицию других участников общения» (261). Поэтому, оказываясь в роли адресата и правильно угадывая стратегию общения, мы «с самого начала обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» (258).

Суть проблемы заключается в том, что «всякое конкретное высказывание – звено в цепи речевого общения определенной сферы»; даже помимо воли своего инициатора само «высказывание занимает какую-то определенную позицию в данной сфере общения» (271). Оно «имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата» (276), или, мы бы сказали, рецептивную компетенцию. Концептуальность здесь состоит в том, что, как сказано в другой работе Бахтина, помимо прямого адресата («разных степеней близости, конкретности, осознанности») «автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата* ... В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения ... Это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен» (305-306), – в качестве одной из коммуникативных функций данного целого.

Последнее рассуждение очевидным образом предвещает научное направление дискурсного анализа, выявляющего в тексте манифестирование таких инстанций дискурса, которые могут трактоваться как метасубъект, метаобъект и метаадресат коммуникативного события. Метасубъектом, в частности, мы именуем некую фигуру субъектности, которая «приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса ... в отличие от говорящего индивидуума из плоти и крови»²³. Такими же категориями мыслятся коммуникативный метаобъект, не совпадающий с фактическим предметом говорения, и метаадресат, не отождествимый с реальным читателем или слушателем.

²² Как будет показано ниже, Бахтин в этом перечислении последовательно указывает на креативную (тип дискурсивности), референтную (тип модальности) и рецептивную (тип адресованности) проекции коммуникативной стратегии.

²³ Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 2002. С. 15-16.

Одно из ключевых мест в становлении сравнительной риторики как учения о коммуникативных стратегиях следует отнести к работе М. Фуко «Археология знания» (1969). Своеобразие осуществленного здесь подхода к дискурсу было четко сформулировано автором: «Описать высказывание – не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания»²⁴. Обнаружение такой «позиции» – показатель того, что мы достигли стратегической глубины исследуемой дискурсивной практики.

Собственно стратегией Фуко, надо сказать, именовал только один из четырех рассматриваемых им аспектов: «образование объектов, образование положений субъектов, образование концептов и образование стратегических выборов»²⁵. Однако, если первые три аспекта соответствуют категориям метаобъекта, метасубъекта и метаадресата²⁶, то четвертый аспект заслуживает роли доминирующего, обобщающего три предыдущих.

В обычном словоупотреблении термин «стратегия» применяется для характеристики наиболее фундаментальных принципов деятельности, подлежащих выбору деятеля. Именно такие общности вырисовываются в результате анализа, предпринятого Фуко и выявляющего «типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения» (139). «В толще дискурсивных практик» исследователь исторического бытования текстопроизводства обнаруживает «системы, которые устанавливают высказывания как события» (129). Такого рода системы и есть коммуникативные стратегии.

Наибольшее внимание французского философа привлекает субъектность высказываний, которая подвергается решительному переосмыслению: «Мы отказываемся рассматривать дискурс как феномен выражения ... Мы пытаемся найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности» (56). Говоря о субъекте дискурса, Фуко говорит «вовсе не о говорящем сознании, не авторе формулировки, но о положении, которое может быть занято при некоторых условиях различными индивидуумами» (116), что соотносимо с «речевой маской» жанра в бахтинском понимании. Такую метасубъектную инстанцию дискурса Фуко, как и Бахтин²⁷, именует *функцией* высказывания, вытесняющей романтический образ самовольного творца текстов.

«Субъект высказывания является определенной функцией, которая в то же время вовсе не одинакова для двух разных высказываний ... Эта пустая функция способна наполняться ... один и тот же индивидуум всякий раз может

²⁴ Foucault M. L'Archéologie du savoir. Paris, 1969. P. 153. Выделено мною – В.Т.

²⁵ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 117. Далее страницы этого издания указываются в скобках; курсив в цитатах принадлежит Фуко.

²⁶ «Образование концептов» у Фуко может быть соотнесено с рецептивной компетенцией бахтинского «нададресата», поскольку организованность текста служит, в частности, фактором актуализации концептов в поле воспринимающего сознания.

²⁷ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 291.

занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов» (94). Вследствие этого «выбор стратегий, – по мысли Фуко, – не вытекает непосредственно из мировоззрения или предпочтения интересов, которые могли бы принадлежать тому или иному говорящему»; он совершается «в соответствии с положением, занимаемым субъектом по отношению к области объектов, о которых он говорит» (74). Фуко не устает настаивать на том, что, с точки зрения дискурсного анализа, «не следует понимать субъект высказывания как тождественный автору формулировки ... Он является определенным и пустым местом, которое может быть заполнено различными индивидуумами» (96). Более того, «если пропозиция, фраза, совокупность знаков могут быть названы «высказываниями», то лишь постольку, поскольку положение субъекта может быть определено» (96).

Имея в виду коммуникативную событийность дискурса, Фуко пишет: «Акт высказывания – не повторяющееся событие; оно имеет свою пространственную и временную единичность, которую нельзя не учитывать» (102). Однако «стратегические возможности (выбора – *V.T.*) образуют для высказываний *поле стабилизаций*, которое, несмотря на все различия актов высказывания, позволяет им повторяться в своей тождественности» (104). Это поле стратегических регулярностей образуют «различные модальности высказываний», которые «отсылают к различным статусам, местам и позициям, которые субъект может занимать или принимать, когда поддерживает дискурс» (55). Тексты являются дискурсами постольку, «поскольку они являются высказываниями, то есть постольку им можно назначить модальности» (108).

Интертекстуальные цепи таких событий Фуко трактует как дискурсивную «практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» (50). В этом отношении также имеет место существенная переключка с Бахтиным, писавшим в свое время: «Предмет речи говорящего ... уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения»; ведь «говорящий – это не библейский Адам, имеющий дело только с девственными, еще не названными предметами ... и потому самый предмет его речи неизбежно становится ареной встречи с мнениями ... токами зрения, мировоззрениями, направлениями, теориями и т.п.» (274). Такой коммуникативный метаобъект, сформированный дискурсивной практикой, также следует признать *функцией* активирующего его дискурса²⁸, отвечающей референтной компетенции данной стратегии.

Ибо, в конечном счете, как говорит Фуко, «если есть сказанные вещи, то непосредственную причину нужно искать не в вещах, являющихся сказанными, и не в людях, которые их сказали, но в системе дискурсивности, в устанавливаемых ею возможностях и невозможностях высказываний» (130). Эти стратегические компетенции (возможности и ограничения), обуславливающие «появление высказываний как единичных событий», формируют «множественность высказываний некоторого числа регулярных событий» (130), регулярность которых и подлежит осмыслению с позиций риторики.

²⁸ Понятие «активации референта» трактуется в работе: *Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.*

Подводя итог рассмотрению фундаментальных для сравнительной риторики положений Бахтина и Фуко, ключевое понятие коммуникативной стратегии, подлежащей вольному или невольному выбору говорящего (пишущего), может быть определено, на наш взгляд, следующим образом: *модальное позиционирование субъекта, объекта и адресата высказывания в рамках конфигурации трех дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной)*. Понятие «конфигурации компетенций» в нашем случае аналогично системе риторических категорий «эйдоса – логоса – этоса», разработавшейся Х. Перельманом.

Дискурсивная практика производства текстов определяется тремя основными факторами: коммуникативным поведением ее протагонистов, «дисциплинарным пространством» этого поведения и его стратегией. Фуко исследовал жесткие дисциплинарные пространства тюрьмы, армии, больницы и школы, однако, по мысли того же Фуко, любая сфера культурной деятельности (в силу формирующей ее традиции) представляет собой механизм *регламентации* дискурсивных актов. Эти акты испытывают неизбежное ограничительное давление (большей или меньшей жесткости) со стороны актуальных в данный момент культурных парадигм научности, религиозности, художественности, публичности и т.п. вплоть до парадигмы интимности. Коммуникативные стратегии составляют внутреннюю сторону текстопроизводства, будучи «трансдискурсивными», по слову Фуко, механизмами *самоорганизации* дискурсивной практики.

Коммуникативное поведение говорящих и пишущих, будь оно инновационным или подражательным, вполне индивидуально. Оно может вступать в различного рода противоречия и несоответствия не только с ограничивающей его парадигмой, но и с реализуемой им (скорее бессознательно, чем сознательно) стратегией. Однако сама стратегия этим не может быть разрушена, отменена или контаминирована с иной стратегией. Кардинальное расхождение коммуникативного поведения с первоначально избранной стратегией приводит к перемене стратегии, которая, в конечном счете, определяется моментами внутренней завершенности высказывания (чему особое внимание уделял Бахтин²⁹). Выявлению таких моментов и призван служить дискурсивный анализ текстов, институционализированный Фуко, Пешё, ван Дейком и их последователями.

На почве дискурсивного анализа (основного инструмента сравнительной риторики) можно вести речь о коммуникативных стратегиях различных уровней общности – вплоть до жанровых стратегий отдельных «речевых жанров». Однако нас в этом очерке будут занимать только наиболее общие стратегии культуры как дискурсивной практики. Это *базовые* стратегии текстопроизводства и смыслополагания.

* * *

---

²⁹ Ср., в частности: «Предложение является значащим элементом целого высказывания, приобретающим свой окончательный смысл лишь в этом целом» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 262).

Референтные компетенции базовых коммуникативных стратегий различаются общериторическими модальностями высказываний как сообщений о чем-то. Выделяемые «новой риторикой» модальности знания, убеждения и мнения суть отношения дискурса к действительности. Представляется необходимым дополнить этот ряд модальностью понимания, которую обычно связывают лишь с фигурой адресата. Однако говорящий, находясь в позиции понимающего, как раз и принимает на себя роль адресата, обращенного к некоторому источнику смысла. Ибо «всякое понимание диалогично»³⁰. Как говорит Бахтин, «всякое реальное целостное понимание активно ответно ... всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим» (247).

Знание – не в привычно расширительном, а в более строгом значении этого слова – есть такое содержание сознания, которое не зависит от самого сознания (неинтенционально). Оно ограничено областью значений, однако не связано никакой концепцией. Простейший пример – знание таблицы умножения. Как фактическая истина (платоновская акрибея) оно подлежит верификации (объективной проверке, т.е. подтверждению опытным путем). Передаваемое в качестве готового знания, оно не нуждается в концептуальной аргументации (интерсубъективной проверке на убедительность).

Убеждение, или сверхопытное знание (верование) представляет собой интенциональное содержание сознания, коренящееся в самом сознании. По психологической природе своей это сублимированное желание, наделенное, однако, сверхличной авторитетностью того или иного рода – сакральной, логической, правовой. Оно не подлежит ни сомнению, ни верификации (только аргументированию как опровержению ложных мнений). Субъективная ценность убеждения в его ментальной прочности – неоспоримости: оно обладает для сознания неопровержимостью онтологической истины (платоновской алейи).

Мнение представляет собой бездоказательное интенциональное содержание сознания («кажимость»), подлежащее сомнению, но субъективно ценное. А также и общественно (интерсубъективно) значимое своей уникальностью – в социуме, где человеческая индивидуальность ценится. Данная модальность принципиально плюралистична: чтобы суждение имело статус мнения, необходима его потенциальная соотносимость с некоторым множеством возможных иных впечатлений.

Понимание (формирование адекватного концепта) носит гипотетический характер. Оно отличается от знания опытного, фактического своей интенциональностью: это всегда чье-то персональное понимание, зависимое от понимающего сознания. В отличие от убеждения понимание всегда относительно: это всегда лишь чья-то «правда» о предмете понимания, а не окончательная истина. В отличие от мнения оно не субъективно, а интерсубъективно, вследствие чего подлежит экспликации – сверхопытной верификации *смысла* (а не значения). Смысл нельзя знать – его можно только понимать (таким предметом понимания служит, например, чужое «я»). Понимание неодушевленного объекта предполагает отношение к нему как к вопрошаемому субъекту (природа в теоретической физике В. Гейзенберга).

³⁰ *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. С. 320.

Остается подчеркнуть, что в ведении сравнительной риторики находится отнюдь не действительное содержание сознаний собеседников, а только модальность их высказываний. Заведомая ложь может излагаться в модальности знания или убеждения, а заведомая истина – в модальности мнения (нетвердо выучившему таблицу умножения может «казаться», например, что пятью пять – двадцать пять) и т.п.

Каждая из четырех референтных модальностей дискурса предполагает определенную картину мира предельно обобщенного характера. Ведь «для того, чтобы передать какое-либо ... содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания ... к известной группе явлений ... *Общенье необходимо предполагает обобщение*», без которого оно, по мысли Выготского, невозможно «так же, как невозможно общенье без знаков»³¹. Перельманом, в частности, были разработаны понятия «ролевой», «императивной» и «окказиональной» риторических картин мира.

Модальность знания соотносима с *прецедентной* (ролевой по Перельману) картиной мира, где случается только то, что уже когда-либо случилось. В противном случае верифицируемость опытного знания оказывается под вопросом и утрачивает свою успокоительную несомненность.

Модальность убеждения соотносится с *императивной* картиной мира, пронизанного единым универсальным логосом. Такая картина мира, оставляя сколь угодно обширное пространство для заблуждений и ошибок, предполагает единственно возможный верный путь к абсолютной (не верифицируемой в частном опыте) истине. Здесь всякое субъективное мнение – ложно.

Модальность мнения как не-лжи может быть обоснована только *окказиональной* картиной мира с ее *релятивизмом* значений. Здесь отсутствует единство истины и возможно, в известном смысле, все что угодно. Такая дезонтологизированная картина мира своей беспрецедентностью уравнивает весомость альтернативных кажимостей.

Наконец, модальность понимания предполагает *вероятностную* картину мира, характеризующуюся *плюрализмом* смыслов. В этих рамках всегда остаются открытыми две или более возможности (разные основания, разные сценарии, разные правды и т.п.), но с различной долей вероятности. И эта вероятность в принципе доступна «исчислению» (пониманию). Здесь единая истина онтологически присутствует, но, говоря словами Бахтина, она «требует множественности сознаний, она принципиально неместима в пределы одного сознания ... и рождается в точке соприкосновения разных сознаний»³².

Современный человек обладает, как правило, собственной, вполне индивидуализированной картиной мира, где находится место нескольким или даже всем перечисленным референциям: и опытному знанию, и концептуальному пониманию, и вере, и сомнению (порождающему многообразие мнений). Однако для того, чтобы участники коммуникативного события, могли встретиться в виртуальном пространстве дискурса (достичь некоторого взаимопонима-

³¹ *Выготский Л.С.* Мышление и речь / Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 19. Курсив Выготского.

³² *М.М. Бахтин.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972. С. 135.

ния), они, фигурально выражаясь, должны условиться о месте встречи. Этому и служат те схематические версии миропорядка, которые были перечислены. Модальностью своего высказывания говорящий ограничивает возможную широту картины мира и предлагает адресату взглянуть на мир, как если бы тот был в действительности сугубо прецедентным, или императивным, или релятивным, или вероятностным. Коммуникативная стратегия состоит, в частности, в том, что субъект высказывания позиционирует свой объект на одной из этих ментальных схем.

* * *

Ни одно высказывание не сводится к *репрезентации* некоторого объекта. В большей или меньшей степени любой дискурс оказывается *презентацией* своего субъекта, а также *инспирацией* своего адресата. Эти факторы коммуникативного события стратегически позиционируются в рамках креативной и рецептивной компетенций.

Креативные компетенции базовых коммуникативных стратегий представляют собой некоторые контуры возможностей текстопроизводства. Эти типы дискурсивности различаются своим *отношением к языку*, из которого черпаются ресурсы авторского поведения, формирующего тексты. Отношения между дискурсом и языком также характеризуются модальностями особого рода – креативными модальностями. Для характеристики наиболее общих принципов коммуникативной креативности воспользуемся терминологией Ч.С. Пирса с некоторыми необходимыми уточнениями и дополнениями.

Разграничивая знаки на «иконны», «индексы» и «символы», Пирс, в частности, писал: «*Икона*³³ есть знак, который обладал бы своим характерным свойством, собственно и делающим его значимым, даже если б его объект и не имел существования»³⁴. Иначе говоря, при рассмотрении знака как тройственного единства сигнала, значения и смысла, икон Пирса являет собой семиотический феномен *первичности сигнала*, при котором «все, что угодно, способно стать *Субститутом* чего угодно, если оно на него похоже» (201).

«*Индекс* есть знак, который сразу же утратил бы свое характерное свойство, делающее его знаком, если убрать его объект ... Таков, например, какой-нибудь предмет с дырой от пули в качестве знака выстрела, ибо без выстрела не было бы никакой дыры» (218). Семиотический феномен индекса, стало быть, предполагает *первичность значения*, прямым следствием которого выступает сигнальная сторона знака.

Наконец, пирсовский «*Символ* есть знак, который утратил бы характерное свойство, делающее его знаком, если бы не было интерпретанты» (218). Речь идет о *первичности смысла*, которому «конвенциональный знак» служит как «заранее оговоренный сигнал» (216).

³³ При переводе этого термина на русский язык, по понятным коннотативным соображениям, предпочтительнее вариант: *икон*.

³⁴ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000. С. 218. Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит Пирсу; страницы этого издания указываются в скобках.

Для риторики, имеющей своим предметом дискурсивную практику общающихся людей, все знаки конвенциональны. Поэтому пирсовская концепция символа для нас слишком широка: «Все слова, предложения, книги и другие конвенциональные знаки суть Символы» (212-213). Однако Пирс тут же открывает интересную возможность дифференциации столь широкой категории, отмечая, «два способа», какими символ может иметь значение: «составной элемент Символа может быть Индексом и может быть Иконой» (213). Воспользовавшись открывающейся возможностью градации, будем различать – наряду с *индексами* и *иконами* – символы индексальные (*эмблемы*, или «закрытые» символы) и символы иконические (*аллюзии*³⁵, или «открытые» символы).

Это раздвоение символа (по Пирсу) на эмблему и аллюзию отвечает кантовскому делению «интуитивного способа представления» на *схематический*, «когда понятию, которое постигается рассудком, дается соответствующее априорное созерцание»; и собственно *символический*, «когда под понятие, которое может мыслиться только разумом и которому не может соответствовать никакое чувственное созерцание, подводится ... созерцание ... по аналогии»³⁶.

Характеризуя креативную компетенцию дискурса как одну из граней его базовой коммуникативной стратегии, мы призваны заниматься, естественно, не отдельными знаками, а некоторыми принципами знаковости – семиотическими механизмами дискурсии, или, на другом научном языке, наиболее общими «формами авторства». Та или иная *дискурсивность* в силу своей стратегической природы накладывает на языковое поведение автора известного рода ограничения – аналогичные тому, как указанные выше референтные модальности ограничивают многообразие действительности пределами той или иной референтной компетенции. Пользуясь знаками всех видов, организатор коммуникативного события, тем не менее, обращается к языку в целом как текстопроизводящему механизму определенного типа: индексального или иконического, эмблематического или аллюзивного. В этом состоит та или иная креативная модальность высказывания.

В частности, *индексальная* дискурсивность может быть охарактеризована как оперирование значениями (знаками с готовым, фиксированным значением). В рамках этой дискурсивности «значение слова ... прежде объективно существует для других и только впоследствии начинает существовать для самого» коммуниканта³⁷. Но еще существеннее, что значение индексального высказывания как целого – первично, а такая или иная текстуальность его – лишь указание на это значение. «Когда кучер, – писал Пирс, – пытаюсь привлечь внимание пешехода и заставить поберечься, выкрикивает «Эй!», то ... восклицание это является индексом, ибо направлено на то, чтобы поставить пешехода

³⁵ Аллюзию мы рассматриваем не как элементарный намек, но как риторическую фигуру умолчания, своего рода воронку, втягивающую в себя смыслы (таков символ художественный).

³⁶ Кант И. Критика способности суждения // Соч. в 6 тт. Т. 5. М., 1966. С. 373.

³⁷ Выготский Л.С. История развития высших психических функций / Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. М., 1983. С. 145.

в реальную связь с объектом, каковым является его местонахождение в отношении к приближающейся лошади» (207). Такой дискурс синонимичен иным высказываниям с аналогичной референцией.

Подобное значение выступает в симбиозе со своим смыслом (поглощает собственную «интерпретанту»), но допускает некоторый спектр синонимии своих сигналов. Метасубъектная функция авторства при индексальной дискурсивности проявляется в выборе средств текстуальности из этого спектра, но она не предполагает формирования самих значений. По мысли Перельмана, в случае ролевой картины мира автор является всего лишь исполнителем. «Положение субъекта» (Фуко) в рамках этой стратегии можно определить как *самоустранение*, релевантное модальности знания (готового знания) как способа «образования объектов» (Фуко). *Эквивалентная* «форма авторства» предполагает равнозначность и взаимозаменяемость различных субъектов в качестве носителей одного и того же знания.

Эмблематическая дискурсивность может быть представлена как оперирование смыслами (знаками с готовым смыслом). Метасубъектная функция авторства при этом состоит в амплификации значений, т.е. в формировании референтности текста – области денотатов, отвечающих заданному концепту. Простейший пример – три Иисусовых притчи с общим смыслом, но различающиеся своими объектами (о заблудшей овце, о потерянной драхме и о блудном сыне).

Дискурсивность этого рода предполагает жанровое и концептуальное *самоограничение* коммуникативного субъекта, форму авторства которого, определяемую жанровым заданием, можно назвать *имплицативной*. Она, как полагал Перельман, является следствием выбора, совершенного в рамках императивной картины мира. Такая креативная компетенция релевантна модальности убеждения. Она реализуется в дискурсивных формах «готового слова» (А.Н. Веселовский), которое «функционирует наподобие заданного термина»³⁸.

Иконическая дискурсивность предполагает, говоря словами Канта, «свободу воображения (следовательно, чувственности)»³⁹. Она состоит в обращении к языку как не имеющему готовых значений и смыслов и представляет собой оперирование сигналами языка в их первичности и неизбежной при этом окказиональности. Окказиональная картина мира, по мысли Перельмана, предполагает автора, выступающего субъектом частной инициативы. Вследствие дискурсивной инициативы, говоря словами Лотмана, текст «превращается в урок языка»⁴⁰.

Подобное текстопроизводство, отталкиваясь от дискурсивного опыта предшествующих текстов традиции (*альтернативная* форма авторства), устремлено к пределу «самовитого» слова. Оно несет в себе, как полагает Р. Рорти, новый словарь, иронически переопределяющий отстоявшуюся в умах картину мира, нередко представляя «вещи, которые казались наиболее важными,

³⁸ Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 167.

³⁹ Кант И. Критика способности суждения. С. 376.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Три функции текста / Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. М., 1999. С. 19.

как глупые, ничтожные и бесполезные»⁴¹. Базовой функцией иконической модальности авторства оказывается *самоактуализация* коммуникативного субъекта, что коррелирует с референтной модальностью мнения. Так, например, футуристический «заумный текст следует считать иконическим знаком, отсылающим к его создателю в момент написания стихотворения»⁴².

Этот феномен «авантюрной» текстуальности состоит в порождении новых значений при невыразимости персонального смысла, сокрытого в субъективности смыслополагающей авторской воли. «Главное отличительное свойство иконы, – писал Пирс, – состоит в том, что посредством ее прямого наблюдения могут быть обнаружены и другие истины, касающиеся ее объекта, – истины, совершенно отличные от тех, которые были использованы при ее построении» (203). Иконический текст по сути своей *омонимичен* (по формуле Ц. Тодорова, автор поставляет для него слова, а читатель – смыслы); он представляет собой поле многочисленных потенциальных значений, актуализация которых находится в компетенции адресата.

Наконец, *аллюзивная* дискурсивность отнюдь не сводится к нанизыванию намеков. Она реализует коннотативные возможности языка для формирования анфиладной перспективы становящегося смысла (в отличие от смысла готового – эмблематического). Аллюзивный символ – это сложно организованный «гиперзнак», смысл которого включает в себе указание на другой, более глубокий смысл, невыразимый более простыми знаками. Метасубъектная функция аллюзивного дискурса состоит в разворачивании смысловой перспективы предлагаемой системы значений. Такова коррелирующая с модальностью понимания *инспиративная* форма авторства как «реальности», которая «может вызвать к жизни другую реальность»⁴³ – реальность другого сознания. «В своей социальной, а не в сугубо математической форме, – напоминает Рикер, – символизм включает в себя правило признания субъектами друг друга»⁴⁴. Если иконическая дискурсивность предполагает амплификацию значений при единстве скрытого (субъективного) смысла, то аллюзивная – амплификацию смыслов при единстве открытого (интерсубъективного) значения.

Позиция коммуникативного субъекта в этом случае – позиция *самотрансценденции*. Выдвинувший это понятие В. Франкл определял такую позицию как ориентированность «на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью»⁴⁵. Самотрансценденция, именуемая Бахтиным «этической и эстетической объективацией» субъективного, «нуждается в могучей точке опоры вне себя, в некоторой действительно реальной силе, изнутри которой я мог бы видеть себя как другого» (30).

* * *

⁴¹ Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge, 1989. P. 89.

⁴² Сироткин Н.С. Поэзия русского и немецкого авангарда с точки зрения семиотики Ч.С. Пирса. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 8.

⁴³ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 54.

⁴⁴ Рикер П. Конфликт интерпретаций. С. 403.

⁴⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 29.

Едва ли не наиболее существенным фактором коммуникативного поведения выступает фактор *адресованности*. «Обращенность, адресованность высказывания есть, – по Бахтину, – его конститутивная особенность, без которой нет и не может быть высказывания. Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов – конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров» (279). При этом сколь бы индивидуальным ни был конкретный реципиент текста, тем не менее, этот «адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего»⁴⁶. Такие «амплуа» и составляют ряд рецептивных компетенций дискурса.

Рецептивные компетенции, образующие третью грань базовых коммуникативных стратегий, различаются отношением дискурса к сознанию. Реализуя возможность моделирования в сознании идеального коммуникативного сообщества⁴⁷, дискурс всеми своими принципиальными моментами предполагает ту или иную коммуникативную позицию адресата. Моделируемый «идеальный адресат, – словами П. Серио, – может быть определен как тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с идеальным адресатом»⁴⁸. По мысли Перельмана, развертывание аргументации высказывания равнозначно проектированию аудитории как прогностического конструкта.

Проблема рецептивной функции дискурса заключается в том, что, как утверждает У. Эко, «писательство – всегда конструирование самим текстом своего идеального читателя»⁴⁹. Это справедливо не только по отношению к художественному письму; таково свойство всякой дискурсии. Разница лишь в том, что полноценно художественные тексты являются «ориентированными на формирование нового идеального читателя», тогда как все остальные высказывания сфокусированы на некоторую часть или некоторых представителей «публики такой, какая она есть»⁵⁰.

В чем же состоит «идеальность» – в значении *виртуальность* (объективно существующая предельная возможность, а не субъективная желанность) – той инстанции коммуникативного события, которую в науке о литературе именуют «имплицитным» (У. Бут), «абстрактным» (В. Шмид), «концептированным» (Б.О. Корман) читателем? Она заключается в абстрагированности от фактических ситуаций восприятия тех, по определению В. Изера, «ориентировок», которые «текст предоставляет своим возможным читателям как условие рецепции»⁵¹.

⁴⁶ Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981, № 4. С. 358.

⁴⁷ См.: Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Frankfurt / Main, 1973.

⁴⁸ Sériot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris, 1985.

⁴⁹ Эко У. Имя розы. М., 1989. С. 451.

⁵⁰ Там же. С. 452.

⁵¹ Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. München, 1976. S. 60.

Нас будут интересовать, прежде всего, такие «условия рецепции», которые предоставляются самим воспринимающим сознанием в качестве собственной компетентности, активируемой «ориентировками», предлагаемыми текстом. При этом не все ментальное пространство сознания оказывается стратегически востребованным текстовыми «ориентировками» (как и в предыдущих двух аспектах активированным выступает не все объектное и не все языковое пространство возможных дискурсивных практик). Отношению дискурса к сознанию также может быть вменена та или иная – в данном случае рецептивная – модальность.

Модальное разграничение рецептивных компетентностей аудитории в риторике со времен Аристотеля принято именовать *эмосом*⁵². Последний может быть охарактеризован как риторический феномен заботы, возбуждаемой и одновременно (в случае внутренней завершенности высказывания) удовлетворяемой дискурсом.

Эмосом дискурса определяется, в конечном счете, и его стратегия в целом. Во-первых, потому, что коммуникативная ситуация общения, создаваемая наличием текста, реализуется лишь в воспринимающем сознании, без участия которого коммуникативное событие просто не имеет места. Во-вторых, сам говорящий/слушающий является носителем не только креативной, но и рецептивной ипостаси сознания: любое авторское (инициативное) производство текста представляет собой еще и автокоммуникативный акт.

Рецептивная компетенция дискурса (требующая адекватной компетентности адресата) концентрируется в активации тех или иных коммуникативных ресурсов слова (текста). С точки зрения базовых стратегий общения, могут быть выделены четыре таких ресурса.

Транзитивность (переходность) высказывания, перемещающего информацию⁵³ из одного сознания в другое, обеспечивается имплицативной зависимостью (если α то β) между означающим и означаемым. Для получения «чистой» информации связь между сигналом и значением должна быть однозначной, словарно фиксируемой.

Эвиденциальность (очевидность) высказывания создается имплицативной взаимосвязанностью денотата и концепта, то есть нераздельностью значения и смысла. В рамках эвиденциального текста обращение к определенному референту влечет за собой присутствие определенного (готового) смысла.

Имагинативность высказывания предполагает его способность вызывать у адресата визуальные (и вообще сенсительные) представления. Это может быть определено как инспиративная зависимость (α может служить предпосылкой для β) значения слова от его сигнальной стороны (имени). Такая зави-

⁵² Группа μ определяет *эмос* как «аффективное состояние получателя, которое возникает в результате воздействия на него какого-либо сообщения и специфические особенности которого варьируют в зависимости от нескольких параметров» (Дюбуа Ж. и др. *Общая риторика*. М., 1986. С. 264).

⁵³ «Информация» мыслится в данном случае не как понятие математической теории (кибернетики), но как понятие семиотической прагматики (риторики).

симость принципиально неоднозначна: она, несомненно, существует, но варьируется в каждом воспринимающем сознании.

Интеллигибельность высказывания состоит в инспиративной зависимости его смысла от организации текста. Слово интеллигибельно для адресата в той мере, в какой указывает сознанию некий путь к обнаружению соответствующего intersубъективного концепта в качестве точки конвергенции двух или нескольких сознаний.

Обращаясь к систематизации этосов коммуникативных событий, констатируем, что индексальной дискурсивности текста, активирующей транзитивный ресурс слова, соответствует *репродуктивная* компетентность воспринимающего сознания. Виртуальным адресатом готового знания выступает реципиент, способный адекватно воспроизводить это знание. Конституирующий такого адресата дискурс с репродуктивной модальностью характеризуется этосом *покоя*. Забота его адресата состоит в обретении и сохранении статуса общности к общезначимой информации.

Коммуникативная стратегия высказываний подобного рода может быть определена как стратегия *хорового единогласия*. Текст такого высказывания служит ретранслятором некоторого знания, которое в принципе может быть общим.

Ретранслятивный дискурс исходит из презумпции внетекстовой реальности объекта общения, воспроизводимой в знаках текста. Он претендует на референтную прозрачность в отношении к действительности и поэтому отличается хоровой (домонологической) коммуникативностью, при которой дискурсия сводится к артикуляции некоторого референтного содержания сознаний. Стратегия «ничейного», хорового, транзитивного слова, присущего мифу или рекламе (своеобразной мифологии нашего времени), определяется ведущей ролью референции в организации коммуникативного события.

Эмблематическая дискурсивность текста, активирующая эвиденциальный ресурс слова, релевантна *регулятивной* компетентности воспринимающего сознания. Виртуальным адресатом убеждающего или разубеждающего дискурса (учительного, обвинительного, оправдательного) выступает реципиент, способный усваивать уроки коммуникативных событий, способный корректировать свое мышление и жизненное поведение в соответствии с сообщенными ему императивами. Конституирующий такую способность дискурс с регулятивной модальностью характеризуется этосом *долженствования* (власти). Он предполагает коммуникантов, способных к самоопределению и озабоченных обязанностями своего функционирования в мире.

Коммуникативная стратегия в этом случае может быть определена как стратегия авторитарного *монологического единогласия*. Любое высказывание в ее рамках, так или иначе, заключает в себе утверждение (или отрицание) легитимности, регламентарности каких-либо деяний, мыслей, переживаний. Причем само это высказывание строится как озабоченное собственной легитимностью: говорить здесь означает *соответствовать* (норме, образцу, ожиданию) и тем самым поддерживать некоторую систему воззрений.

Ведущая роль в авторитарной дискурсии принадлежит не самой референции, но референтному сознанию (авторитетному или сверхличному), по отношению к которому позиционируются сознания креативное и рецептивное.

Реципиент авторитарного дискурса выступает не столько адресатом (вторым субъектом коммуникации), сколько объектом коммуникативного воздействия. Истинным же адресатом обнаруживает себя «наадресат», который протагонистом коммуникативного события мыслится как источник легитимности его дискурсии. Такая стратегия радикально монологична (даже если осуществляется во внешне диалогизированных формах). Эвиденциальность (семантическая очевидность) монологического слова может быть определена как тождество его интеллигибельности (умопостигаемости) и воображаемой визуальности (имагинативности). В традиционалистской поэтике это ведет к провозглашенному Горацием (и оспоренному впоследствии Лессингом) уподоблению поэзии и живописи.

Иконической дискурсивности текста, активирующей имагинативный ресурс слова, в качестве рецептивной компетентности сознания получателя соответствует его *автономность*: способность критического отношения к тексту, наделяемому со стороны адресата альтернативным значением. Виртуальным адресатом высказанного мнения выступает реципиент, обладающий собственным мнением о предмете общения. Такой дискурс с *провокативной* модальностью характеризуется этосом *неподчинения* (свободы). Забота вступающего в коммуникацию состоит при этом в ограждении своей внутренней свободы и одновременно провоцировании свободной реакции адресата.

Коммуникативная стратегия данного типа может быть определена как стратегия *диалогического разногласия*. Ведущая роль в организации коммуникативных событий принадлежит здесь креативному сознанию, которое инициативно «предлагает нам презентацию (вместо репрезентации)»⁵⁴, что ведет, в конечном счете, к «гиперреальности» текста, определяемой Ж. Бодрийяром как «абсолютное совпадение с самим собой»⁵⁵. Одним из важнейших условий этого эффекта является смысловая непрозрачность дискурсии: подлинная интенциональность субъекта коммуникации здесь пребывает в латентном состоянии; часто она скрыта за ложно анонсированной интенцией.

В отличие от первых двух рецептивных модальностей провокативность глубоко диалогична, но ее диалогизм ограничен полемической интенцией автономизации сознаний. Говорить в этом случае означает *отличаться* от всех прочих, что ведет к модернистскому понятию стиля не как нормы, а как отклонения, нарушения, разрыва с традицией. Одно из наиболее значительных описаний такой стратегии принадлежит Рорти, ориентирующемуся на соединение иронизма и теоретичности в текстах Ж. Дерриды. Рорти выдвигает программу «либеральной» коммуникации, в рамках которой «разрешено называть истиной все, не утруждая себя и других вопросами о достоверности и адекватности высказываемого», поскольку у такого дискурса «нет иных целей, кроме свободы»⁵⁶.

Наконец, аллюзивная дискурсивность, активируя интеллигибельный ресурс слова, инспирирует известного рода *солидарность* воспринимающего

⁵⁴ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 360.

⁵⁵ Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris, 1981. P. 75.

⁵⁶ Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. P. 60-61.

сознания по отношению к авторской интенции. В противовес провокативной иконичности эта интенция открыта, однако, в отличие от регулятивной эмблематичности, она не регламентирована, она инициативна. В рамках дискурсивности такого рода, словами П. Рикера, «язык является не объектом (для говорящего – В.Т.) а посредником»; здесь «говорение – это акт, благодаря которому язык преодолевает себя ... Язык хотел бы исчезнуть»⁵⁷, не препятствуя конвергенции автономных сознаний.

Идеальной позицией для адресата дискурсии с анонсированной интенциональностью является позиция *восполнения* данного высказывания своим ответным пониманием. Как писал Бахтин, «этот всегда наличный по отношению ко всякому другому человеку избыток моего видения, знания, обладания обусловлен единственностью и незаместимостью моего места в мире» (23). Так, при восприятии исторического сочинения желателен интеллигибельный «контакт с прошлым», но этого автор не может передать словом; по рассуждению Й. Хейзинги, сам «читатель привносит это, чтобы встретиться с автором, это – его ответ на запрос последнего»⁵⁸.

Восполняющая компетентность состоит в реализации смыслового потенциала, содержащегося в тексте. Она может быть охарактеризована как солидарная взаимодополнительность рецептивного смысла к смыслу креативному. Если регулятивная модальность основывается на общеобязательности сверхличных смыслов, а провокативная – на уникальности и несообщаемости смыслов персональных, то модальность солидаритарная проистекает из диалогической сообщаемости (интерсубъективности) таких смыслов, поскольку два сознания, составляющие диадку коммуникативного события, взаимодополнительны. Этос такого дискурса – этос *ответственности*: взаимной озабоченности коммуникантов реализацией открывающейся им возможности некоторого коммуникативного события как со-бытия. Для этого субъекту и адресату высказывания не достаточно обладать общим пониманием своего объекта; им необходима известная степень взаимопонимания.

Коммуникативная стратегия взаимопонимания может быть определена как стратегия *диалогического согласия*. Бахтин называл согласие «важнейшей диалогической категорией», в которой, по его характеристике, «всегда сохраняется разность и неслиянность голосов». «Несогласие, – писал он, – бедно и непродуктивно. Существеннее разногласие». Диалогическое «согласие никогда не бывает механическим или логическим тождеством (первая стратегия. – В.Т.), это и не эхо (вторая стратегия. – В.Т.); за ним всегда преодолеваемая даль и сближение (но не слияние) ... В согласии всегда есть элемент неожиданного, дара, чуда, ибо диалогическое согласие по природе своей свободно, т.е. не predetermined, не неизбежно... Подлинное согласие является ... последней целью всякой диалогичности»⁵⁹. Оно представляет собой преодоление разногласий без слияния в одноголосый «хор».

⁵⁷ Рикер П. Конфликт интерпретаций. С. 131.

⁵⁸ Цит. по: Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 332.

⁵⁹ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 364.

Стратегия соединения коммуникативных усилий, совместного с адресатом продвижения по направлению к точке взаимоприемлемого смысла предполагает возможность *конверсии* (взаимообратимости, взаимопереводимости) содержания сознаний без его отождествления. Следуя этой возможности, по Э. Левинасу, «в дискурсе я выставляю себя для вопроса Другого», вследствие чего «я нахожу себя для ответственности»⁶⁰. Высказывание здесь состоит не в предложении объекта (репрезентация), или предписания (регулятивность), или самого текста (в его провокативности), а в «самотрансценденции» (В. Франкл) – в предложении некоторой интенции смысла в его персональной версии, нуждающейся для интересубъективной реализации в ответной версии (конверсии). Общение как конверсивный акт переноса одного персонального смысла в контекст другого сознания (и обратно) способно порождать новые, интересубъективные смыслы.

В рамках этой четвертой стратегии, по формуле Левинаса, смыслонаправленность предшествует знаковости (в чем и состоит отличие аллюзивности от иконичности), ответственность предшествует субъективности⁶¹, а диалог являет себя метаситуацией, предшествующей вербальному общению. Если, по мысли Э. Бенвениста, говорящий «я» временно присваивает себе язык (это соответствует провокативной стратегии), то левинасовская метаситуация встречи Самости и Другого «является первоначальной и необходимой конъюнктурой значения языка: кто-нибудь, говорящий «я», направляется к другому человеку»⁶².

Репрезентация в принципе неосуществима без объекта, самоактуализация – без субъекта, императивная дискурсия – без адресата. Что же касается конвергенции сознаний в качестве коммуникативного события, то она предполагает равную неэлиминированность и взаимодополнительность обоих коммуникантов. Можно предположить, что прообраз четвертой коммуникативной стратегии содержится в словах Иисуса, утверждающих смыслополагающую силу согласия: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18. 19-20). После воскресения сказанное подтверждается тем, что Иисус не является Петру, дивящемуся «сам в себе» произошедшему, но является «двум» спутникам, которые об этом «рассуждали между собою» (Лк. 24. 12-15).

* * *

Все изложенное выше может быть сведено в следующую таблицу типологических характеристик базовых коммуникативных стратегий:

⁶⁰ *Lévinas E. Totalité et Infini. Paris, 1961. P. 153.*

⁶¹ См.: *Lévinas E. Etique et Infini. Paris, 1982.*

⁶² *Lévinas E. Autrement que savoir. Paris, 1988. P. 68.*

<i>Стратегия</i> (коммуникативный ресурс слова)	<i>Референтная модальность</i> (картина мира)	<i>Креативная модальность</i> (позиция субъекта)	<i>Рецептивная модальность</i> (этнос)
хорового единогласия (транзитивность)	знание (прецедентная)	индексальная (самоустранение)	репродуктивность (покой)
монологического единогласия (эвиденциальность)	убеждение (императивная)	эмблематическая (самоограничение)	регулятивность (власть)
диалогического разногласия (имагинативность)	мнение (оказиональная)	иконическая (самоактуализация)	провокативность (свобода)
диалогического согласия (интеллектуальная гибельность)	понимание (вероятностная)	аллюзивная (самотрансценденция)	солидарность (ответственность)

Первые две стратегии носят, по слову Барта, *энкратический* характер, поскольку свойственная им прерогатива говорящего устанавливает между коммуникантами властные отношения (той или иной природы и направленности), не допускающие взаимности их позиций. Две последующие стратегии – *акратичны*, поскольку здесь креативная и рецептивная инстанции дискурса хотя и асимметричны, как во всяком высказывании (субъект языка и субъект сознания), но взаимнообратимы. Последнее означает отсутствие прерогативы коммуникативного субъекта: «Говорящий, – по замечанию Бахтина, – сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной» (247). В этом отношении приходится не соглашаться с Левинасом, который в своей философии диалога, не ограничиваясь взаимодополнительностью коммуникантов, придает фигуре Другого императивное значение.

Систематизированные таким образом стратегии распределяются весьма неравномерно по историческим эпохам, национальным культурам и сферам культурной деятельности.

В частности, наиболее естественной сферой для функционирования регулятивных дискурсов является сфера религиозных высказываний, хотя и здесь возможны иные стратегии. На протяжении долгих веков, предшествовавших Новому времени, регулятивная стратегия господствовала и в других областях культуры. В наше время она все еще достаточно широко представлена в образовании, в политике.

Наиболее благоприятной средой для утверждения в европейской культуре провокативной стратегии оказалось художественное письмо – после его отхода от регулятивных стратегий «рефлексивного традиционализма»⁶³. На этой

⁶³ См.: *Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.*

почве рождается сформулированная Бартом идея литературы как «перманентной революции слова»⁶⁴.

Исторически наиболее молодая четвертая стратегия пробивает себе путь в таких явлениях культуры XX столетия, как художественный неотрадиционализм⁶⁵ или философия диалогизма (Бубер, Розенцвейг, Розеншток-Хюсси, Бахтин, Гадамер, Левинас и др.). Впрочем, прецеденты этой стратегии могут быть усмотрены и ранее, например, в творчестве Пушкина⁶⁶.

Остается уточнить, что в переживаемую нами эпоху постмодернизма каждая из выделенных базовых стратегий с большей или меньшей степенью вероятности может иметь место в любой сфере дискурсивной практики. Это придает сравнительной риторике как стратегии гуманитарного познания особую актуальность.

---

⁶⁴ Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 550.

⁶⁵ См.: Тюпа В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998. (Очерк 3). Тюпа В. Полифония русской эстетической мысли 20-х годов // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века. М., 2003.

⁶⁶ См.: Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001.